

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРЕПЯТСТВИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Юридического института Сибирского федерального университета.

E-mail: panchenkovlad@mail.ru;

ПЕТРОВ Александр Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Юридического института Сибирского федерального университета.

E-mail: Sfu-pravo@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 13-13-24005.

Краткая аннотация: статья посвящена анализу видов юридических препятствий в реализации прав и законных интересов. Авторы предлагают в качестве базового критерия для классификации юридических препятствий в реализации прав и законных интересов использовать место препятствия в механизме правового регулирования.

The paper analyzes the classification of legal barriers in implementation of rights and legal interests as a general theoretic legal concept. Authors suggest, that basic criteria of classification of legal barriers in implementation of rights and legal interests is to be a position of this phenomena in the structure of mechanism of legal regulation.

Ключевые слова: классификация; юридические препятствия в реализации прав и законных интересов; юридические гарантии прав и свобод; реализация права; правовое регулирование.

Classification, legal barriers in implementation of rights and legal interests, legal guarantees of rights and freedoms, exercising of right, legal regulation.

Приступая к классификации юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, следует сделать ряд предварительных оговорок, которые помогут более точно постичь ее суть и основания.

Прежде всего, это касается общего понимания препятствий в реализации прав и законных интересов (как разновидности препятствий в праве). Представляется, что препятствия в реализации прав и законных интересов следует рассматривать как нормативно установленные и юридико-фактические обстоятельства, осложняющие (затрудняющие либо блокирующие) процесс осуществления правовых возможностей, требующие от носителя прав и законных интересов дополнительных, нормативно незапрограммированных, либо несоразмерных, неразумных организационных, материально-технических, временных, интеллектуальных и иных затрат.

Такое понимание юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, с позиций системного подхода, с необходимостью предполагает некоторую «точку сборки», задающей систему координат для непротиворечивого описания мира юридических препятствий подобного рода во всем его многообразии. Как представляется, в качестве такой «точки сборки» следует рассматривать социальный интерес, реализуемый правовыми средствами, поскольку вопрос об удовлетворительности права, закона обретает смысл лишь тогда, когда для общества в целом (а равно – для отдельного члена общества или объединений людей) это регулирование значимо.

Наконец, следует обратить внимание на культурно-исторический контекст понимания препятствий в реализации прав и законных интересов. То, что с позиций сегодняшнего дня воспринимается как очевидное препятствие в

реализации прав и законных интересов, в рамках иного социума и (или) другой эпохи признавать таковым вряд ли уместно. Например, в контексте предложенной Д. Норт, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом парадигмальной модели различий ограничения насилия в социальных порядках, основанных на ограниченном доступе и на открытом (свободном) доступе¹, некорректно приклеивать ярлыки юридических препятствий на средневековые цеховые правовые ограничения свободной конкуренции среди ремесленников европейских городов или на институт прописки в городах СССР периода индустриализации.

Немаловажно отметить, что осознание некоего явления в качестве препятствия реализации прав и законных интересов может быть индикатором изменений массового или группового правосознания (вспомним хотя бы протестные движения «Болотной площади», импульс к которым был дан сформировавшимся у жителей крупных городов России *ощущением* того, что политическая элита путем манипулирования ходом и результатами выборов в Государственную Думу РФ воспрепятствовало в реализации права избирать).

Теперь перейдем непосредственно к построению классификации юридических препятствий реализации прав и законных интересов.

В литературе представлены различные основания для классификаций юридических препятствий.

Так, А.В. Малько разграничивает препятствия, проявляющиеся как отсутствие необходимых для эффективного управления условий, и препятствия, являющие собой наличие конкурирующих с управлением механизмов; отмечает, что, с позиций субъектного состава, препятствия могут исходить от отдельных граждан, от юридических лиц, от государственных

или муниципальных органов и организаций; по характеру воздействия подразделяет препятствия на *противозаконные стимулы* и *противозаконные ограничения*².

На основе того, поддается ли препятствующий фактор управлению, либо нет, А.В. Малько разграничивает *поддающиеся управлению* и *не поддающиеся управлению* препятствия. В качестве примеров первых могут выступать недостатки правоприменения и т.п., вполне устранимые в процессе управления и поддающиеся целенаправленной корректировке. Ко вторым, в частности, относятся стихийные бедствия, природные явления, климатические условия, дальние расстояния и т.п. Эти препятствия находятся вне возможностей, за пределами управления и являются «представителями» внешней среды, создавая неблагоприятный фон для правового регулирования³.

При этом по мере продвижения научно-технического прогресса наблюдается трансформация ряда правовых препятствий, не поддающихся управлению, в поддающиеся. Так, развитие интернет-технологий и средств телекоммуникации позволяет преодолевать расстояния посредством удаленного доступа к различным юридическим процедурам и органам публичной власти. Наглядно это видно на примере системы арбитражного правосудия, последовательно внедряющей инструменты, направленные на повышение уровня физической и информационной и сервисной доступности судов («Картотека арбитражных дел»; «Мой арбитр»; «Президиум-онлайн»; участие в судебных заседаниях с помощью видеоконференцсвязи и др.). «Еще пять-шесть лет назад внедрение информационных технологий вызывало ожесточенные споры, – отмечает председатель Высшего арбитражного суда РФ А.А. Иванов. – Информатизация судов, объединение их компьютерных баз в единую сеть, внедрение новых коммуникационных технологий, создание специальных сервисов и баз решений – нам говорили, что все это излишества и пустая трата сил и средств, что у российской судебной системы есть масса других,

¹ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. (Краткое изложение фундаментальных отличий двух указанных порядков см.: Норт Д., Уоллис Дж., Узб С. Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности: докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3-5 апр. 2012 г. Пер. с англ. М. Дондуковской и Е. Леонтьевой; / Под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012).

² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 123-156.

³ Малько А.В. Механизм правового регулирования: Лекция // Правоведение. 1996. № 3. С. 57-58.

куда более актуальных проблем, что общество не готово сменить привычные картонные папки на компьютерные файлы... Этот сервис работает, он востребован обществом. У нас появляются реальные механизмы, которые позволяют впервые в истории российского правосудия решить проблему расстояний, ускорить документооборот и ... сделать арбитражное судопроизводство по-настоящему доступным в любом регионе России»¹.

По характеру правовых средств, задействованных в возникновении юридического препятствия можно говорить о *юридических препятствиях-установлениях* и *юридических препятствиях-деяниях (технологиях)*.

По отношению к правовой деятельности субъекта права-носителя соответствующего субъективного юридического права или законного интереса юридические препятствия в реализации прав и законных интересов существуют как *внешние (объективные)* – обусловленные содержанием норм права, иных нормативно-регулятивных средств либо правовой деятельностью других (кроме носителя) субъектов права и *внутренние (субъективные)* – обусловленные состоянием правового сознания или правовой деятельностью самого носителя прав и законных интересов.

В свою очередь внутренние (субъективные) юридические препятствия в реализации прав и законных интересов по факторам, обуславливающим их возникновение могут быть: а) сознательными – существующими в сознании субъекта права, возникающими до его реальной правовой деятельности и блокирующие правовую активность и б) деятельностными, которые появляются уже в процессе осуществления правовой деятельности этого лица.

По субъективным причинам появления внутренние юридические препятствия в реализации прав и законных интересов могут быть (а) рациональными (интеллектуальными) – низкий уровень правовой культуры (незнание закона, невладение правовыми технологиями и пр.) либо принятие взвешенных, продуманных решений о бессмысленности реализации и (или) защиты права в силу затратности, бесперспектив-

ности и др., основанных на детальном изучении юридической практики по конкретному виду жизненных ситуаций с привлечением квалифицированных юристов) и б) эмоциональными (иррациональными) – страх столкнуться с правовой жизнью, неверие в право и т.д.

По критерию осознания субъектом-носителем прав и законных интересов юридические препятствия в реализации прав и законных интересов могут быть *осознаваемыми* и *неосознаваемыми* в качестве таковых, а также *реальными* и *мнимыми* (ошибочно воспринимаемыми как препятствия).

По характеру порождающей их юридической деятельности юридические препятствия в реализации прав и законных интересов могут быть: а) *правотворческими*, б) *правоприменительными*, в) *правоинтерпретационными*, г) *связанными с ненадлежащим оказанием юридической помощи и иных видов юридического содействия реализации прав и законных интересов*, д) *порождаемые иными видами правовой деятельности*.

С позиций строения системы права препятствия можно разделить на публично-правовые и частноправовые; материально-правовые и процессуальные; национально-правовые и международные.

Все вышеназванные классификации, безусловно, имеют познавательное значение. Вместе с тем, думается, что качестве базовой классификации для юридических препятствий в реализации прав и законных интересов можно взять деление препятствий по месту в правовом регулировании² и, соответственно, его механизму. Такой подход³ основывается на представле-

² Мы солидарны с В.Н. Протасовым в том, что «суть правового регулирования как раз и заключается в создании правовых структур, установлении целесообразных отношений между субъектами в определенной социальной сфере через предоставление им субъективных юридических прав и возложение субъективных юридических обязанностей с тем, чтобы вызвать нужное поведение» (Протасов В.Н. Принцип действия права // Вестник Российской правовой академии. 2008. № 1. С. 6).

³ Е.В. Вавилин, рассуждая в указанной логике, отмечает, что следует разграничивать препятствия формального (нормативного) и фактического характера (Вавилин Е.В. Препятствия и их ограничения в предпринимательской деятельности // Вестник Пермского университета. Серия Право. 2011. № 2. С. 99-100). Как представляется, указанная классификация нуждается в уточнении и дополнении. Во-первых, формальность как общий признак позитивного права не может быть сведена к нормативности, и наоборот; во-вторых многообразие фактических препятствий в

¹ Куликов В. Процесс по звонку // Росс. газета. 2012. 26 января. № 15.

нии о механизме правового регулирования как о теоретической модели, отражающей совокупность взаимодействующих правовых средств, необходимых и достаточных для достижения целей правового регулирования¹.

В рамках трехстадийного подхода к структурированию правового регулирования (создание абстрактных моделей поведения, отраженных в нормах права, – их конкретизация в правоотношении – реализация права)², следует выделить следующие виды исследуемых нами юридических препятствий: а) нормативные; б) правоконкретизирующие; в) правореализационные.

К первой группе юридических препятствий относятся *нормативные* препятствия, возникающие путем установления общих моделей поведения, закрепленных в формальных источниках права, препятствующих реализации прав и законных интересов.

Распознавание нормативных препятствий реализации прав и законных интересов представляет собой достаточно сложную задачу. Всякое нормативное препятствие представляет собой дефектную, деформированную модель поведения, выраженную в источнике права, но не всякий дефект нормы или нормативного обобщения следует рассматривать как нормативное препятствие реализации прав и законных интересов³.

Так, в качестве нормативных препятствий следует рассматривать *чрезмерную неопределенность (неясность)* содержания норм права, нарушающую одно из фундаментальных оснований правовой системы – принцип правовой определенности.

Приведем пример. Во время студенческих волнений 1960-х гг. в США муниципалитет города Цинциннати принял постановление, признававшее правонарушением деяние, вызвавшееся в том, что «трое или более лиц собираются ... на любом из тротуаров ... и ведут себя так, что раздражают окружаю-

щих»⁴. Указанный статут был апробирован 7 декабря 1967 г., когда Денису Коутсу – студенту, участвовавшему в демонстрации, – было предъявлено соответствующее обвинение. Составленный протокол не разъяснял, в чем конкретно выразилось раздражающее поведение Коутса, но прохожие указали, что он их раздражал, на основании чего Коутс был арестован и осужден. Коутс оспорил приговор как основанный на слишком неясном законе и выиграл дело в Верховном Суде США, который отметил, что указанный закон «является неясным не в том смысле, что ... требует от человека неопределенного поведения в отсутствие понятного стандарта, а скорее в том смысле, что нет стандарта поведения, имеющего всеобщий характер, т.е. понятного всем. Как результат, люди одного уровня интеллекта должны догадываться о его значении» (Coates v. City of Cincinnati, 402 U.S. 611, 614 (1971))⁵.

Отметим, что и Конституционный суд РФ подчеркивает основополагающее значение правовой определенности как надлежущей гарантии реализации прав и законных интересов⁶.

Ясную норму права следует рассматривать в качестве нормативного препятствия тогда, когда она:

а) содержательно противоречит иной норме права, создающей более благоприятные (простые, гарантированные) условия для реализации прав и законных интересов, и не может применяться на основании общих принципов разрешения коллизий в праве (т.е. является нижестоящей в иерархии, либо общей, либо ра-

реализации прав и законных интересов требует более точного определения того, что имеется в виду.

¹ Протасов В.Н. Что и как регулирует право. М.: Юристъ, 1995. С. 64-71.

² Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций // Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 3. М.: Статут, 2010. С. 150-166.

³ Фуллер Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 47-56.

⁴ Куллинан Т., Лорд Ш. Доктрина экономической сущности: неконституционная неясность. URL: http://krasn.pravo.ru/store/doc/doc/Kullian_Lord2011.pdf (дата обращения 1 августа 2013 г.).

⁵ Там же.

⁶ Согласно известной правовой позиции Конституционного суда РФ правовая определенность, в том числе точность и конкретность правовых норм, которые лежат в основе соответствующих решений правоприменителей, включая суды, необходима для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты (Постановление Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2004 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан». Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс).

нее принятой)¹;

б) устанавливает любые ограничения для реализации прав и законных интересов и при этом является дефектной с компетенционной или технико-юридической точек зрения (принята неуполномоченным органом, в ненадлежащей форме, официально не опубликована, не зарегистрирована при необходимости в Минюсте РФ и т.д.);

в) приостанавливает действие иных норм (материальных и процессуальных), направленных на реализацию прав и законных интересов;

г) предоставляет государственному или местному органу или служащему (должностному лицу), призванному принимать индивидуальные решения на ее основе, такие дискреционные полномочия, что указанное должностное лицо по своему усмотрению определяет объем и пределы реализации прав и свобод адресатов нормы и при этом отсутствует возможность оспорить такие административные решения в судебном порядке *по их содержанию*²;

д) закрепляет неоправданно широкий и сложный набор юридических фактов, необходимых для возникновения соответствующих правоотношений, а равно закрепляет чрезмерно сложную, заградительную процедуру реализации прав и законных интересов. При этом затраты ресурсов по реализации прав (законных интересов) для стандартного носителя прав (законных интересов) в рамках такой процедуры превышают ожидаемый эффект от воплощения в жизнь права или законного интереса³;

е) не согласуется с общим «духом закона», т.е. предписывает или дозволяет такие общие модели поведения, которые не укладываются в господствующую (нормативно и фактически) концептуальную модель регулирования

тех или иных отношений⁴;

ж) закрепляет такую явно несоразмерную разумным ожиданиям субъектов права модель поведения, которая, формально не противореча иным нормам, по сути, девальвирует содержание права или законного интереса⁵.

Особой разновидностью нормативных препятствий являются *препятствия-пробелы*⁶, заключающиеся в отсутствии правовых норм, регламентирующих процесс осуществления различных прав, свобод, законных интересов и пр. Причем, в качестве препятствий могут выступать как *абсолютные* пробелы (когда в норме не содержится никакого решения для определенной ситуации)⁷, так и *относительные*⁸ («те случаи, в которых закон хотя и содержит определенные правила разрешения конфликта, но при их дословном применении полученное решение не представляется правильным или справедливым в данной ситуации в силу обоснованных сомнений, что законодатель при ре-

⁴ Когда И.И. Аносов в своей работе 1926 г. обосновывал возможность применения аналогии в советском уголовном праве, в качестве главного аргумента он использовал общетеоретическую идею о том, что для правильного понимания и применения норм и институтов уголовного права следует, в конечном счете, оценивать их соответствие господствующей правовой идеологии: «острота различий заключается в общем духе кодекса», который «...и составляет то «непримиримое», что делает одну систему права «эвклидовой», а другую «неэвклидовой» (Аносов И.И. Заметки к вопросу о применении аналогии в уголовном праве // Бюл. Средне-азиат. гос. ун-та. 1926. № 15. С. 10). И.И. Аносов в своей статье цитирует важную мысль профессора Исаева о том, что «дух времени» не может не отразиться на «духе законов»: «И пусть та или иная норма, или даже целые учения и отделы контрабандой, по инерции человеческой мысли или даже по соображениям разума, перейдут из одного кодекса в другой в полной своей неприкосновенности – острота различия заключается в общем духе кодекса» (Там же. С. 3).

⁵ В качестве примера можно привести издевательские правовые нормы, призванные урегулировать выплату дореформенных сбережений граждан, закрепленные в Федеральном законе от 10 мая 1995 г. № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации», федеральных законах о бюджете и ряде подзаконных актов.

⁶ Следует согласиться с идеей о неизбежной пробельности законодательства, поскольку «предназначенные для грядущей реализации юридические правила неизбежно формулируются суверенной властью в неведении относительно характера некоторых будущих ситуаций, с которыми столкнется государственно организованное общество» (Тихонравов Е.Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории: Автореф. дисс. ... на соиск. канд. юрид. наук. М., 2013. С. 15).

⁷ Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 256.

⁸ Шафиров В. М. Проблема пробелов в праве и современное (интегративное) правопонимание // Российское правосудие. 2012. № 10. С. 5-13; Панченко В.Ю. Принципы правового регулирования как средство обеспечения беспробельности права // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 32-37.

¹ Власенко Н.А. Коллизийные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.

² Например, действующее законодательство предоставляет чрезмерно широкие полномочия органам публичной власти – заказчикам при целевом приеме в вузе. Возможности защитить в суде законный интерес в обучении по целевому приему практически невозможно.

³ Так, неоправданно усложненная административная процедура восстановления украденных автомобильных номеров привела к возникновению криминального бизнеса по их хищению и последующему возврату за вознаграждение (См.: Колесниченко А. Номер не пройдет // Новые известия. 2013. 8 января).

гулировании данного конфликта не предвидел или не продумал полностью все варианты его решения»¹).

Помноженные на низкий уровень правовой культуры должностных лиц, их нежелание принимать ответственные решения, препятствия-пробелы на практике зачастую вызывает блокировку процесса правового регулирования, создают благодатную почву для различного рода злоупотреблений.

Наконец, в качестве специфической разновидности нормативных препятствий выделим *правоуменьшающее нормативное толкование*, то есть ограничительное официальное толкование, распространяющееся на персонально неопределенный круг случаев и субъектов, которое дезавуирует юридические возможности, закрепленные в формальных источниках права. Например, не так давно Высший арбитражный суд РФ освободил государство от возврата неосновательного обогащения в виде перечисленных банками с нарушением закона средств клиентов в бюджет и тем самым явно создал препятствие к реализации предусмотренного ГК РФ права банков на возврат неосновательного обогащения².

Ко второй группе юридических препятствий относятся *правоконкретизирующие* препятствия, характерные на стадии возникновения правоотношений. К ним относятся:

а) дефекты в сфере юридических и доказательственных фактов, препятствующие «запуску» второй стадии правового регулирования.

Прежде всего, речь идет о т.н. «порочном круге», замыкающем процесс доказывания наличия определенного юридического факта в замкнутый цикл (самый простой выглядит так: для того, чтобы доказать факт А, следует доказать факт Б; одновременно: чтобы доказать факт Б, следует доказать факт А). Выбраться из такого порочного круга для заинтересованных лиц – нетривиальная задача.

В качестве препятствия следует рассматривать и распространенность «отрица-

тельных» фактов, доказывание наличия которых зачастую становится непреодолимой преградой на пути к реализации прав и законных интересов³.

К числу препятствий подобного рода можно отнести и наличие открытых перечней обстоятельств, из которых складывается фактический состав, благодаря чему усмотрение правоприменителей порой сложно отличить от произвола.

б) дефекты субъектного состава правоотношений, не позволяющие четко идентифицировать надлежащего субъекта права или обязанности, а равно в будущем определить субъекта юридической ответственности за нарушение прав⁴.

в) дефекты структуры правоотношений, не позволяющие создать такую правовую связь, которая будет оптимально для субъектов конкретизировать правовые установления общего характера. К ним относится, в частности:

- чрезмерная асимметричность, явная несбалансированность прав и обязанностей в правоотношении, прикрывающая правовой формой произвол и вседозволенность одной из сторон отношений;

- дефекты в структуре субъективного права (например, чрезмерное усложнение порядка реализации правомочия защиты нарушенного права (через установление обязательного претензионного порядка в сферах, где нарушения прав и законных интересов носят системный характер, определение в договорах присоединения крайне невыгодной для контрагента территориальной подсудности и т.п.);

Наконец, *правореализационные* юридические препятствия обнаруживаются и на стадии осуществления права. Это:

а) ментальные препятствия, связанные с качественным состоянием правового сознания и готовностью (неготовностью) к активной деятельности по осмысленной и волевой реализации конкретных прав и законных интересов, в

¹ Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 256-257.

² Курбатов А.Я. Освобождение государства от возврата неосновательного обогащения: растиражированное беззаконие // Хозяйство и право. 2012. № 8. С. 76-83.

³ Афанасьев С.Ф., Катукова С.Ю. О доказывании отрицательных фактов и возможности применения фикции признания при их обосновании по гражданским делам // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 69-72.

⁴ Хрестоматийный пример: оформить индивидуальное решение, препятствующее реализации прав и законных интересов заинтересованного лица, актом коллегиального органа, например, ученого совета университета.

том числе – отсутствии готовности к «борьбе за право» (Р. Иеринг);

б) организационно-процедурные препятствия, связанные с ненадлежащим обеспечением со стороны органов публичной власти условий для реализации прав и законных интересов. Значимость указанных препятствий для формирования презрительного отношения к государству, их допускающему, сложно преуменьшить, поскольку отсутствие процедуры реализации и защиты права дезавуирует само право (известная с римских времен идея «*ius следуют за actio*» не утрачивает своей актуальности и сегодня¹).

К числу препятствий подобного рода можно отнести, например, стойкое уклонение

судебных и административных органов от принятия решения по существу дела, когда ни один орган не относит решение того или иного вопроса к своей компетенции, отказывая заинтересованным лицам в решении дела по существу².

Представляется, что базовая классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов может помочь теоретико-прикладному осмыслению и оценке факторов и обстоятельств в правореализационной деятельности, а все приведенные деления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов позволят достаточно полно охарактеризовать их, «проведя» по всем возможным классификационным рядам.

¹ Сахнова Т.В. LITIS CONTESTATIO: процессуальные вариации // Teise. 2011. № 81. С. 211-219.

² Недаром в процессуальных кодексах присутствуют нормы, запрещающие многократную передачу дел от одного органа к другому. Например, согласно ч. 4 ст. 33 ГПК РФ дело, направленное из одного суда в другой, должно быть принято к рассмотрению судом, в который оно направлено. Споры о подсудности между судами в Российской Федерации не допускаются. Однако проблемы все же возникают. К примеру, если субъективное право лица было нарушено вышестоящим судом отменой судебного решения в надзорном порядке, а впоследствии Конституционный суд РФ сформулировал правовую позицию, позволяющую восстановить и реализовать право, то найти компетентный суд общей юрисдикции, который взялся бы рассмотреть дело по новым обстоятельствам проблематично. А Султанов приводит такой казус: «...попытка добиться исполнения Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П гражданина А. разбилась именно на положениях ст. 393 ГПК РФ. Его конституционные права были нарушены судом надзорной инстанции, отменившим вступившие в законную силу судебные акты, а в последующем дело было передано в суд другого субъекта РФ. Он так и не смог найти суд, который восстановил бы его нарушенное право. Нижестоящие суды отказывали в пересмотре дела в связи с тем, что они его прав не нарушали, компетенции в отношении вышестоящего суда не имеют. А суд надзорной инстанции отказывал на основании ст. 393 ГПК РФ, указывая, что он всего лишь отменил судебный акт, не изменяя его и не вынося нового решения, а потому не имеет компетенции рассмотреть заявление о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам» (Султанов А. Восстановить нарушенное право // ЭЖ-Юрист. 2012. № 26. С. 11).